

Всегда настороженно относился к понятию «духовная лирика». Не-что слащавое, вымученное, неестественное... Мне всегда казалось, что после царя Давида пытаться создать что-то достойное внимания весьма проблематично. Спору нет, есть отдельные стихотворения, отдельные книги, отдельные авторы – но они-то, как правило, никогда и не претендовали на звание «духовных поэтов», просто верили, молились, грешили, каялись – и в результате рождалась не сладкая водичка «переложений» и «вариаций», а подлинная Поэзия. Если мы вспомним одно из греческих имен Бога – poetos, Творец, – все становится понятным.

Новая книга стихов Елены Крюковой «Вера» – это не просто хорошая поэзия. Это погружение в экстатический русский космос, опыт извлечения музыки из ткани Бытия – нерасчлененной, тугой и живой. Понятие религиозной поэзии просто-напросто теряется, съеживается при соприкосновении с этими строками, в которых бьется, бурлит, клочочет сама живая жизнь, живое сердце. И это естественно; по-другому просто не может быть, потому что «Бог для русской – Всей жизни стоголосый хор». А жизнь эта вьется среди кривых захолустных улочек и в метельном поле, в запущенных квартирах и затерянных углах всей необъятной, тревожной Русской земли. И по этим гулким пространствам, по метельному русскому Хаосу идет Господь:

И по этой дикой выюге, по распятым тем полям
Шли, держась друг за друга, люди в деревенский храм.
– Эй, держись, – Христос воскликнул,
– ученик мой Иоанн!
Ты еще не пообвыкнул, проклинаешь ты буран...

Ты, Андрей мой Первозванный,
крепче в руку мне вцепись!..
Мир метельный, мир буранный –
вся такая наша жизнь...

Дело в том, что Господь в этих стихах не где-то далеко, в заоблачных высотах, и он не просто Судия. Нет, он здесь, совсем близко, так близко, что можно тепло и неизбежно-жалостливо, по-матерински, по-русски, назвать Его «Сынок».

Шалью укройте, – замерз мой Сынок!
Холодно, Боже...
В наших полях и мертвец одинок.
Холод по коже.

Потому что Он – наш состраждущий Свидетель; он как будто вышел из позолоченных риз иконы и бредет то русским проселком, то метельным полем, то грязной улицей пригорода, – идет, чтобы понять, чтобы принять, чтобы спасти.

А Он вдоль по Байкалу шел с улыбкой на устах.
Холщовый плащ Его, тяжел, весь рыбою пропах.

Таков и образ России – далекий как от казенного патриотизма, так и от русофобской ненависти; это образ Родины, Матери, страдальницы и великомученицы, родной и близкой не только своими красотами и величием, но и своими нарывами и язвами.

Россия,
сумасшедшая!
Тебя ли петь устану я?
В грязи твоей прошедшая –
В какую святость кану я?!

...Держава горькая,
Земля неутолимая –
Над водкой и махоркою –
Глаза Его любимые...

Русь навеки связана со Христом – и в славе, и в падениях, во всем житии, и ничто не в силах разорвать эту связь. И старая, и новая Россия, и расстрелянная семья последнего русского государя, и алкаши из подворотни, и продавщица церковных свечей – все они русские, а значит – Христовы. Без убогого морализаторства и скрупулезного начетничества – это истинно народная, истинно Православная поэзия. И поэтому сплетаются, как стежки-дорожки из песни, строки стихов:

О чайнике ржавом, о миске пустой,
О нищей державе, о вере святой,
О старом, безумном, больном мужике,
Что голубя нянчил на мертвой руке.

Вот эта укорененность в повседневном быте, исподволь пронизанном Священным, – высокий нерв Поэзии Елены Крюковой, который должен обязательно отозваться в читателе, если только он сохранил в себе душу живую.